

спешат доставить в Москву московскому дьяку Василию Мамыреву для включения в летопись.

В числе летописцев мы можем предполагать митрополита Даниила¹, ростовского епископа Вассиана Рыло² и мн. др.

Таким образом, социальный состав летописцев весьма разнообразен, но при всем разнообразии его в нем преобладают лица, занимавшие высокое общественное положение и принимавшие активное участие в политической жизни страны. Особенно важно отметить большое число лиц, выполнявших дипломатические поручения. Это, очевидно, не случайно, если принять во внимание, что летописями пользовались при дипломатических переговорах³. Впоследствии, в XVI–XVII вв., ведение летописания даже официально было передано в Посольский приказ⁴.

Основные понятия: летописный свод, летопись, летописец, редакция летописи

Терминология изучения истории летописания крайне неустойчива. Ни одно из понятий — свод, летопись, летописец, редакция летописи — не имеет строгого определения и различными учеными понимается иногда по-различному. Между тем нужда в точной научной терминологии в науке о летописании очень велика.

Неточность терминологии во многом зависит от самого характера явлений. Прежде всего обратим внимание на следующее. Летописи, как мы уже видели, представляют собой соединения и дополнения предшествующего материала. Каждый русский летописный памятник вырастает из соединения и переработки предшествующих памятников. От этого границы отдельных памятников в истории летописания лишены четкости. Мы можем говорить о памятнике в составе более крупного памятника, но при такого рода соединениях памятники перерабатываются летописцами. В связи с этим встает вопрос: какова же степень переработки предшествующего памятника, при которой мы уже не имеем права говорить о памятнике как о таковом. Возьмем простейший пример. В Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской и

¹ Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980, главы 3 и 4.

² Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955. С. 158–159.

³ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. С. 354 и сл.

⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» в историографии XVII века. — Исторические записки, № 14. М., 1945. С. 91 и сл; С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 55–84 и др.

Радзивиловской читается «Повесть временных лет». Во всех трех памятниках, несмотря на переработки, «Повесть временных лет» не утрачивает своей специфики как самостоятельного памятника. Однако в некоторых других летописях «Повесть временных лет» отразилась с такими сокращениями и переделками, что говорить о наличии в них «Повести временных лет» уже нельзя (ср., например, в Рогожском летописце, в Летописи Авраамки, в Летописце епископа Павла и др.). При какой степени переработки памятник перестает быть памятником? Если бы мы даже и решили этот вопрос для «Повести временных лет», введя какие-то условные правила определения памятника, — мы не могли бы легко решить этот вопрос для других, более сложных случаев.

Приведем пример такого более сложного случая. Перед нами летописный свод строго определенного состава. Этот летописный свод представлен, однако, в нескольких списках, где он имеет различные продолжения. Должны ли мы тексты этих списков считать новыми, если сам свод подвергся не переработкам, а только дополнениям? Можем ли мы перешедший из предшествующего памятника текст рассматривать отдельно от дополнений? Если же и самый предшествующий свод подвергся в новом тексте переработке, то какова степень этой переработки, в сочетании с дополнением, которая должна заставить нас считать, что перед нами новый памятник? Ясно, что и в этом случае вряд ли возможно ввести какие-то определенные правила.

Практически чрезвычайно трудно определить различие между понятиями нового летописного памятника и редакцией летописного памятника. В самом деле, если новый летописный памятник возник на основе одного предшествующего текста, он может в известной мере считаться новой редакцией этого предшествующего текста. Принципиальной разницы между новой редакцией летописного памятника и новым летописным памятником, возникшим на основе старого, в этом случае не будет: окажется только трудно уловимое количественное различие. Если же новый текст возник на основе не одного, а нескольких предшествующих, то перед нами безусловно будет новый памятник. Выходит, что в истории летописания для определения того, что перед нами новый памятник, а не новая редакция известного ранее, необходимо считаться с двумя явлениями истории текста: новый летописный памятник должен либо в очень сильной степени (в более сильной, чем другие литературные жанры) переработать текст предшествующего памятника, либо он должен представлять собой соединение и переработку нескольких предшествующих летописных произведений.

Что же такое летопись — в отличие от летописного свода и редакции летописного свода?

Мы видели уже, что установить различие между новым летописным памятником и редакцией практически очень трудно. На помощь приходит понятие «летопись». Летописью принято называть реально дошедший до нас летописный текст — в одном списке или в нескольких сходных. Этот реаль-

но дошедший до нас текст может быть в своей основе летописным сводом или редакцией летописного свода. По отношению к летописи свод более или менее гипотетический памятник, т. е. памятник предполагаемый, лежащий в основе его списков или других предполагаемых же сводов. Поскольку в изданиях текстов принято издавать только реально дошедшие тексты, — и в изданиях летописных текстов до последнего времени было принято издавать именно летописи, а не лежащие в их основе своды.

Наряду с понятием редакции летописного свода, есть и понятие редакции летописи; это не одно и то же. Реально дошедший до нас в летописях текст разбивается на тексты отдельных списков. Если эти различия имеют принципиальную основу (см. выше, в главе III, о понятии редакции), то можно, конечно, говорить о редакции летописи. Это понятие редакции летописи отличается от понятия редакции летописного свода тем, что последняя сама может представлять собой летопись. Возникает, таким образом, возможность существования редакции редакции. Такая возможность вполне реальна, и объясняется она крайней неустойчивостью и «текучестью» летописных текстов, допускающих постепенные переходы от текста к тексту без видимых градаций памятников и редакций. Приходится поэтому считаться не только с неточностью терминологии и с ее условностью, но и с реальным отсутствием четких границ и сложностью истории летописных текстов.

Иногда термин «летопись» употребляется для выражения понятия летописания той или иной области в целом. Так, А. А. Шахматов и М. Д. Приселков постоянно говорят о ростовской летописи, о владимирской летописи, о галицко-волынской, черниговской, московской, рязанской и т. д. в том же смысле, как о летописании Переяславля Южного или Переяславля Сузdalского, летописании Москвы или летописании Пскова. Понятие «летопись» в этом отношении шире понятия летописного свода, оно охватывает все своды и все летописи того или иного летописного центра. Так, в ростовской летописи различаются своды ростовских архиепископов Ефрема, Трифона, Тихона, Вассиана и др. В летописи владимирской различаются своды 1185 г., 1192 г., 1212 г.

Вполне условно и различие между понятием «летопись» и «летописец». Правда, это различие менее принципиально для истории летописания, но все же следовало бы остановиться и на нем.

По большей части (но далеко не всегда) летописцем называют небольшой по объему памятник. Однако представление о величине памятника очень неопределенно и субъективно. Поэтому есть летописные памятники, которые называют то летописцем, то летописью: Рогожский летописец (Рогожская летопись) и Летописец епископа Павла (Летопись епископа Павла). Оба эти «летописца» в той или иной степени охватывают всю русскую историю и не имеют узкой местной, родовой или хронологически ограниченной темы. Их относительно скромные размеры сами по себе не дают все же основания называть их «летописцами». Серьезнее другой признак, который частично кладется в основу различия «летописцев» и «летописей»: лето-

пись охватывает своим изложением более или менее всю русскую историю от ее начала и до каких-то пределов, приближающихся ко времени ее составления; летописец же обычно посвящен какой-то части русской истории: истории княжества, монастыря, города, тому или иному княжескому роду: Китежский летописец¹, Летописец Рюрика Ростиславича², Летописец великих князей литовских³ и др.

Другие понятия истории летописания — список (или текст списка), извод, протограф — не представляют существенных отличий от тех же понятий, употребляемых в других областях текстологии (см. выше, главу III). Напомню только, что понятие «архетип» практически к истории летописания не применимо, поскольку, как мы уже указывали, в истории летописания новые тексты постоянно создаются из соединения нескольких предшествующих.

Итак, в изучении летописания употребление терминов крайне неопределенно. Эта неопределенность пока еще не только не ослабевает, но растет. Предстоит ее внимательное изучение в классических работах по истории летописания (в первую очередь в работах А. А. Шахматова по позднему летописанию), чтобы на основе этого изучения в известной мере стабилизировать терминологию⁴.

Ввиду такой неопределенности и неясности терминологии, в значительной степени объяснимой сложностью самих явлений, с которыми приходится иметь дело историку летописания, последний должен не только называть памятник, но в известной мере и определять его. Без выяснения состава и истории создания памятника нельзя установить, что он собой представляет как памятник.

Данное положение особенно важно при издании памятников летописания. Если издается не традиционно известный памятник (Лаврентьевская, Ипатьевская, Симеоновская, Ермолинская летописи и пр.), а памятник, впервые вводимый в научный обиход, мы обязаны точно определить его место в истории летописания и его отношение к другим летописным памятникам.

Выяснить отношение вновь вводимого в научный оборот летописного памятника к другим летописным памятникам не значит формально определить — в чем он сходствует и в чем он различается с ними. Этого крайне недостаточно. Необходимо выяснить положение памятника в истории лето-

¹ См.: В. Л. Комарович. «Китежская легенда». Л., 1936.

² См.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописей сводов. С. 70–71.

³ См.: там же. С. 329 и сл.

⁴ Всякое устранение неясности терминологии должно основываться на установлении самой этой неясности. Невозможно условиться об употреблении терминов, не выяснив прежде всего всех оттенков их употребления в прошлом и настоящем (это касается не только текстологической терминологии, но и терминологии филологической в целом).

писания: соединением и развитием каких памятников он является. Дело в том, что сходство и различия в составе памятников могут объясняться различными причинами (различной может быть общность происхождения и не-посредственная зависимость) и сами по себе не давать точного представления о памятнике — особенно о его историко-политических тенденциях, без чего невозможно определить, что за памятник перед нами и насколько он самостоятелен.

Начинающие текстологи часто с самого начала отказываются от изучения истории текста и от обобщений там, где они совершенно необходимы, или в процессе изучения капитулируют перед трудностями. Так, например, очень часто текстологи опасаются объявить о новом произведении, созданном на основании предшествующих, и предпочитают говорить о новой редакции или отказываются увидеть редакцию там, где есть все ее признаки, и заявляют лишь о группе списков. В изучении истории летописания эта боязнь выводов и изучения принимает иногда и обратные формы: вместо того, чтобы подробно исследовать отношения нового списка летописи к предшествующим и установить, в каких случаях мы имеем простое продолжение уже известной летописи, в каких — ее новую редакцию и т. д., текстологи, заметив, что перед ними в каких-то частях новый текст, прямо и без долгих размышлений называют этот список новой летописью или даже новым сводом. Это происходит потому, что исследователю легче иногда бывает объявить изучаемый им список летописи, частично содержащий новый текст, новой летописью или новым сводом, освободив себя этим от его дальнейшего изучения, чем определить его отношение к уже известным текстам.

Чрезмерная «осторожность» проявляется иногда и в названии этой вновь открытой летописи: ее называют по последним встречающимся в ней датам «сводом такого-то года». В результате конец XV и начало XVI в. «забыты» в истории летописания огромным количеством сводов с датами, и эти даты начинают уже повторяться, создавая путаницу (так, например, в научный обиход за последнее время введено два различных свода — оба называемые сводом 1518 г. и два различных свода 1484 г.).

Трудности, возникающие в связи с крайней неустойчивостью летописных текстов, могут быть избегнуты или в значительной степени ослаблены, если мы условимся о следующем.

Первое. Полной самостоятельности нет ни у одного из дошедших до нас памятников летописания. Всякий издаваемый памятник летописания представляет собой свод уже известных материалов с добавлением новых и переработкой старого материала на основе некоторой историко-политической точки зрения. Поэтому нельзя издавать летописные памятники, не определив историю их текста в пределах, какие позволяет доступный материал. Выводы по истории текста издаваемого памятника позволяют судить о том, в какой степени издаваемый памятник самостоятелен и, главное, в чем он самостоятелен. История текста памятника, выясняемая в доступных преде-

лах, в известной мере служит определением того, что собственно издается, и компенсирует неудобства, создающиеся крайней неустойчивостью летописных текстов. Если история текста летописного памятника не выяснена, мы не можем судить о том, что он собой представляет: свод, свод с продолжением, редакцию свода, летопись, текст одного из списков и пр. Совершенно неясными остаются в этих случаях и принципы подведения разнотений (отбор списков для подведения разнотений и отбор самих разнотений).

Второе. Ввиду трудности изучения истории текста издаваемого памятника летописания и сложностей его издания как памятника осторожнее издавать не этот памятник сам по себе, не свод, а лишь дошедший до нас его текст в реальных списках. Мы видели выше, что летописный свод — это то по большей части гипотетически определяемое летописное произведение, которое дошло до нас в более или менее сильно измененных и продолженных списках, которые удобнее всего называть летописями или, если списки близки друг к другу, — летописью.

Ни редакторы первого издания «Полного собрания русских летописей», ни сам А. А. Шахматов, уточнивший и разработавший понятие летописного свода, «сводов» не издавали. Они издавали летописи — реально дошедшие до нас летописные тексты.

Эти летописные тексты назывались чисто условно (по имени одного из владельцев основного списка, по названию хранилища или собрания, по имени их первого исследователя и т. д.), позволяя сохранять традиционные названия даже при изменении выводов относительно истории их текста.

В свое время М. Д. Приселков предложил переименовать все русские летописи при их новом издании, связав их новые названия с историей русского летописания¹. Однако такое переименовывание можно было бы считать относительно целесообразным только в том случае, если бы изучение истории летописания могло бы считаться полностью законченным и открытие новых летописей исключенным. Но даже и при этих немыслимых условиях отрыв от традиционных названий был бы неудобен при использовании исследовательской литературы о летописании, относящейся ко времени до переименования летописей. Так или иначе летописи должны были бы сохранять при новом своем названии и название старое. Укажу, что переименование летописей в прошлом приводило к плачевным результатам. Кто, например, из исследователей не знает те недоразумения, которые создались оттого, что Н. М. Карамзину Лаврентьевская летопись была знакома под названием Пушкинской. Неудачное название «Сузdalская летопись» было дано лингвистами (в частности Е. Ф. Карским, издавшим Лаврентьевскую

¹ С. Н. Валк в своей книге «Советская археография» (Л., 1948) приводит данные из этой записи (с. 139–141). На точке зрения необходимости сохранения традиционных названий летописей стоит М. Н. Тихомиров («Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — Вестн. АН СССР. 1960, № 8. С. 69–73»).

летопись в ПСРЛ), хотя Лаврентьевский список 1377 г. воспроизводит текст Тверского свода 1305 г. и лишь был переписан для Суздальского и Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича, а Радзивиловская летопись и Московско-Академический список, по которым подводятся разнотечения к Лаврентьевской (что текстологически совершенно не обосновано!), также не могут быть отнесены к суздальскому летописанию.

Одна из самых первоочередных задач изучения истории летописания — стабилизация терминологии. Другая задача — выработка принципов названия новых летописей. Третья задача — создание «систематики» летописных текстов, подобной тем, которые существуют в зоологии и ботанике, и создание «Определителя летописных текстов».

О самом плане издания летописных текстов в данной книге мы не говорим. Это вопрос не столько теории текстологии, сколько ее практики, к тому же он очень сложен и требует совместных решений всех специалистов по истории летописания.

Особенности сличения летописных текстов

Основу текстологической работы над летописями, как и над другими видами памятников, составляет сличение текстов. Однако в самом характере работы текстолога по сличению летописных текстов есть отличие от работы по сличению текстов памятников другого рода.

При сличении летописных текстов главное значение имеют не разнотечения в узком смысле этого слова (разнотечения в отдельных словах, их формах и пр.), а самый состав текста летописных статей.

Сличая летописные тексты, исследователь следит в первую очередь за содержанием летописей, за их политическими тенденциями, за тем, какие статьи имеются в летописных текстах, каких нет и как расположен в них летописный материал, как располагается летописный материал по всей летописи в целом. Только во вторую очередь, уже после того как сличение по составу произведено, исследователь выявляет и анализирует отдельные разнотечения. По большей части (но далеко не всегда) отдельные разнотечения в словах выявляются уже после того, как установлен памятник и его редакция. Выявление разнотечений производится по преимуществу между списками одной редакции или более широко, если сличение статей по содержанию не привело исследователя к определенным результатам. Наконец, выявление словарных разнотечений производится для проверки выводов, достигнутых при сличении текстов по составу.

Объясняется такой метод работы над летописными текстами в основном двумя причинами.

Первая причина состоит в том, что летописные тексты очень велики по объему и списков летописей много. Установление с самого начала всех сло-